Акторы модернизации

Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960–80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания

Абрамов Роман Николаевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, отдел истории и теории социологии, Институт социологии Российской академии наук, доцент НИУ ВШЭ, Москва

E-mail: socioportal@yandex.ru

Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960–80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.441

Аннотация. Статья[1] посвящена рассмотрению проблем формирования и бытования коллективного сознания советской инженерно-технической интеллигенции периода реального социализма на основе знания о прошлом, воплощённого в воспоминаниях представителей этой группы. В анализе используются идеи Э. Дюркгейма о коллективном сознании. Учёный развивал концепцию коллективного или общего сознания, привязывая её к идее органической солидарности, которую можно интерпретировать и как этос определённой социальной группы, и как знания о социальной реальности и месте этой группы в ней, которые продуцируют коллективную идентичность. В статье производится реконструкция некоторых элементов сознания группы советской инженерно-технической интеллигенции на основе анализа доступных воспоминаний её представителей, а также концепции ИТР-дискурса, предложенной М. Липовецким, которая характеризует формы группового знания этой группы. Суть ИТР-дискурса, по М. Липовецкому, – это стихийный позитивизм и прогрессизм, уверенность в силе факта и отказ от усложнённой полифонической оптики при культивировании опереточной формы иронии в отсутствие критической саморефлексии. В работе рассматривается проблема социального и профессионального статуса группы советской инженерно-технической интеллигенции и её положения в социальной структуре советского общества. Для этого привлекаются исследования советских социологов, посвященные инженерным кадрам. Констатируется, что профессионализм инженерно-технической интеллигенции базировался на уровне полученного образования и потребности государства в технократическом классе, обеспечивающем СССР конкурентоспособность в оборонной и гражданской сфере. Профессиональная автономия в различных подгруппах научно-технической интеллигенции была неодинаковой и зависела от отраслевой принадлежности организации, в которой работали специалисты. Также обсуждаются некоторые характеристики профессиональной культуры этой группы, включая технократическое мышление, рационализм и критическое восприятие позднего советского времени. Показывается, что воспоминания советских инженеров отчасти могут приоткрыть дверь в жизненный и профессиональный мир этой группы, однако они же свидетельствуют о том, что внутри неё существовали самые разные профессиональные среды и формы коллективного сознания, ещё ждущие своих исследователей. Текст носит поисковый и дискуссионный характер.

Ключевые слова: инженерно-техническая интеллигенция, профессии, научно-технический прогресс, ИТР-дискурс, коллективное сознание

[1] Статья подготовлена в ходе работы над темой «Концепты ‘знание’ и ‘сознание’ в социологической теории: историко-социологическая реконструкция и перспективы дальнейшей разработки» (№ гос. регистрации 012013157044).

Если вспомнить апокрифические слова Ленина о том, что такое коммунизм («советская власть плюс электрификация всей страны»), то можно сказать, что советский режим опирался на две составляющие – идеологию, поддерживаемую мощным партийным бюрократическим аппаратом, и технократию, занятую созданием «крупной промышленной машины, построенной на основах современной техники» [Ленин 1920], которая обеспечивала выживаемость страны в недружественном окружении. Поэтому, при декларативном уважении к рабочему классу, советское государство пестовало лояльную творческую интеллигенцию, занятую производством идеологии, и корпус научно-технической интеллигенции, занятой разработкой материальной базы коммунизма и на первых этапах жизни СССР в основном связанной с потребностями военно-промышленного комплекса. Именно эти две группы в конце концов стали главными могильщиками советского режима.

При декларативном уважении к рабочему классу советское государство пестовало лояльную творческую интеллигенцию, занятую производством идеологии, и корпус научно-технической интеллигенции, занятой разработкой материальной базы коммунизма. Именно эти две группы в конце концов стали главными могильщиками советского режима.

Творческая интеллигенция довольно рано стала разочаровывать власть, поскольку в её рядах находилось всё большее число тех, кто стремился выйти за флажки социалистического реализма, а научно-техническая интеллигенция в период 1950–80-х гг. стала массовым социально-профессиональным слоем, версией советского «среднего класса» [Васильева 2013], который подспудно формировал то, что можно назвать общественным мнением, наполненным скепсисом в отношении власти и бытовым недовольством, обостряющимся товарным дефицитом. В этой статье нас интересует, как коллективное сознание этой группы нашло отражение в знании о прошлом, воплощённом в воспоминаниях её представителей. В статье производится реконструкция некоторых элементов сознания группы советской инженерно-технической интеллигенции на основе анализа доступных воспоминаний её представителей, а также концепции ИТР-дискурса, характеризующей формы группового знания этой группы. Суть ИТР-дискурса, по М. Липовецкому, – это стихийный позитивизм и прогрессизм, уверенность в силе факта и отказ от усложнённой полифонической оптики при культивировании опереточной формы иронии в отсутствие критической саморефлексии. Если в советское время лучшие художественные образцы ИТР-дискурса (например, произведения братьев Стругацких) могли бы быть квалифицированы как часть «большой культуры», то сегодня это стало ближе к жанру анекдота, капустника, КВН, в котором могут работать представители разных политических ориентаций – от критиков существующего режима до их сторонников [Липовецкий 2010а, Липовецкий 2010б].

Инженерно-техническая интеллигенция: социологический взгляд

Реальный социализм 1960–80-х гг. был той экологической системой, в которой и могла появиться массовая группа инженерно-технических специалистов и где эта группа стала ключевой аудиторией потребительского общества советского образца и публикой, способной к считыванию нюансов и эзопова языка его культурной продукции.

Реальный социализм 1960–80-х гг. был той экологической системой, в которой и могла появиться массовая группа инженерно-технических специалистов, и где эта группа стала ключевой аудиторией потребительского общества советского образца и публикой, способной к считыванию нюансов и эзопова языка культурной продукции того периода. Дискуссия вокруг идеи М. Липовецкого о ИТР-дискурсе как форме сознания инженерно-технической интеллигенции затрагивает вопрос о степени влияния на общественную жизнь и социальном составе этой группы. Нужно сказать, что эта проблема рассматривалась в критических комментариях Я. Кюбика [Kubik 2013] и П. Тамаша [Tamas 2013]. Первый говорит о различии роли ведущих публичных интеллектуалов (уровня Сахарова и Капицы) и обычного советского инженера, выполнявшего рутинную техническую работу [Kubik 2013]. Второй полагает, что спектр профессиональных ролей советского инженера был шире, чем на Западе (например, сюда включались функции организатора производства и менеджера), и само это занятие и квалификация были более массовыми, служили символом советской модерности [Tamas 2013].

Однако не следует забывать и о классических социологических теориях коллективного сознания (в частности, об идеях Э. Дюркгейма), связывающих общее знание группы с коллективным сознанием, формирующим групповую солидарность, которая представляет собой совокупность общих для членов общества верований и чувств, составляющих обособленную систему общности группы [Дюркгейм 1996: 87–88]. Э. Дюркгейм развивал концепцию коллективного или общего сознания, привязывая её к идее органической солидарности, которую можно интерпретировать и как этос определённой социальной группы, и как знания о социальной реальности и месте этой группы в ней, которые продуцируют коллективную идентичность. В этом отношении профессиональная культура советской инженерно-технической интеллигенции, ИТР-дискурс, предпочтения в области литературы и искусства, а также стиль жизни – всё вместе образовывало сплав знаний, мировоззрения и социальных практик, которые могут рассматриваться как коллективное сознание этого социального слоя советского общества.

С точки зрения социологии профессий, инженерно-техническая интеллигенция объединяла людей, окончивших политехнические институты и университеты по инженерным и естественнонаучным специальностям и пришедших

на работу в расширившийся сектор науки и НИОКР в промышленности. Нередко представители научно-технической интеллигенции были первым поколением в своих семьях, которому удалось получить высшее образование и обеспечить себе «беловоротничковую работу». Инженерно-техническая интеллигенция работала в прикладных научно-исследовательских институтах, системе высшего образования, конструкторских бюро и лабораториях при заводах и фабриках, системе Академии наук СССР, на предприятиях и производствах в «закрытых городах» (ЗАТО – закрытые территориальные образования), выполнявших стратегические военные разработки. Советская промышленность и сфера НИОКР имели неоднородный по ресурсам и престижу характер. НИИ и предприятия, работавшие на нужды оборонной промышленности и космической отрасли [Gerovitch 2014, Gerovitch 2015], имели приоритетное финансирование, туда направлялись лучшие выпускники вузов и техникумов. Работа там была более интересной, имелись социальные преимущества в виде получения отдельной квартиры в относительно кроткий срок.

Целые отрасли промышленности (метизная, местная пищевая, производство ряда товаров народного потребления и сельскохозяйственной техники) находились вне зоны внимания руководства страны, а карьерные и социальные перспективы для инженерных кадров там были ограничены.

При этом целые отрасли промышленности (метизная, местная пищевая, производство ряда товаров народного потребления и сельскохозяйственной техники) находились вне зоны внимания руководства страны, а карьерные и социальные перспективы для инженерных кадров там были ограничены. Соответственно, даже при наличии схожего уровня образования и должностных позиций профессиональная и культурная среда в разных группах инженерно-технической интеллигенции была неодинакова: например, в воспоминаниях С. Рыжикова [Рыжиков 2010], ленинградского инженера, работавшего не в самом престижном НИИ, и В. Саврея [Саврей 2010], тоже выпускника ленинградского технического вуза, но попавшего по распределению в Магадан и сделавшего карьеру энергетика в городах советского Севера, мы видим существенные различия в языке описаний окружающей их социальной, профессиональной и культурной реальности. В первом случае – это среда городской либеральной интеллигенции, часть которой пропитана настроем «кухонного диссидентства», а во втором – это будни «технаря-практика», вынужденного заниматься организацией работы в условиях недостатка новой техники и квалифицированного персонала. Читая эти мемуары, можно заметить как общие черты советской инженерно-технической интеллигенции, так и существенные отличия в стиле работы и жизни их авторов.

Профессионализм инженерно-технической интеллигенции базировался на уровне полученного образования и потребности государства в технократическом классе, обеспечивающем СССР конкурентоспособность в оборонной и гражданской сферах. Профессиональная автономия в различных подгруппах

научно-технической интеллигенции была неодинаковой и зависела от отраслевой принадлежности организации, в которой работали специалисты [Josephson 1997]. В частности, феномен «закрытых городов» и секретных НИИ, работавших на военные нужды, был очень распространён. Эти НИИ и «закрытые города» принадлежали влиятельным министерствам (например, Минсредмаш), которые занимались созданием атомного оружия, разработками космической и ракетной техники [Shmid 2008; Brown 2013]. В этих технологических анклавах складывалась парадоксальная ситуация: с одной стороны, «закрытые города» и НИИ («почтовые ящики») находились под особым надзором КГБ и других секретных служб; с другой – технические специалисты имели большие возможности и ресурсы для творчества, их труд хорошо оплачивался, а цензура в культурной и гражданской сферах их касалась в меньшей степени, чем обычных советских граждан [Soviet society… 2014].

Однако вопрос о составе этого слоя до сих пор открыт, и более того – советские социологи 1960–80-х гг. активно обсуждали место инженерно-технической интеллигенции в социальной структуре советского общества. В характеристике советской интеллигенции авторы пытались нащупать компромисс между риском сведения интеллигенции исключительно к высокообразованным профессионалам, имеющим соответствующий статус и уровень компетенции, и констатацией движения к исчезновению этого «социального слоя», поскольку труд рабочих и колхозного крестьянства «становится всё более интеллектуально насыщенным». Если бы интеллигенцией были названы только профессионалы с высшим образованием, то возникли бы риски идеологического характера – советская интеллигенция выглядела бы как профессиональные группы буржуазного общества со своими особыми интересами, чего невозможно было допустить в советской системе. Во втором случае социальная структура советского общества выглядела бы столь очевидно примитивной и далёкой от реальности, что невозможно было бы делать сколько-нибудь адекватный анализ. Поэтому интеллигенция описывается как «единая», но «разнородная» группа со своей внутренней структурой [Классы…1968: 140]. Конечно, советская социология не могла рассказать обо всех средах и типах профессиональных субкультур, из которых складывался слой инженерно-технической интеллигенции, но улавливала различия между инженерными кадрами, работавшими в НИИ больших городов и на производстве: уже в начале 1970-х гг. отмечалось, что исследовательские институты оказывались более привлекательным местом для работы, нежели заводские цеха и КБ. В частности, это показано в исследованиях С. А. Кугеля [Кугель 1971], проводившихся в Ленинграде. Проблемы мотивации труда советских инженеров также отражены в известной работе В. А. Ядова

[Социально-психологический...1977]. В частности, В. А. Ядов описал тенденцию инфляции профессионального статуса инженерно-технических работников в связи с утратой тесной связи должностной позиции инженера с выполняемыми им задачами. Он назвал этот процесс «профессиональной полифонией» [Социально-психологический...1977: 13]. Уже во второй половине 1980-х гг. в ряде публикаций О. В. Крыштановской о статусе советской инженерно-технической интеллигенции дана объективная характеристика статусного дисбаланса в этом социально-профессиональном слое: автор делает вывод о том, что массовизация инженерного образования в послевоенном СССР вместе с наращиванием числа должностных позиций ИТР в промышленности и прикладной науке привели к инфляции профессионального статуса образованных технических специалистов [Крыштановская 1989]. По сравнению с предыдущими десятилетиями, в 1970–80-е гг. стало очевидным падение престижа инженерного труда, отразившееся в сужении профессиональной автономии, снижении относительного уровня заработной платы и карьерных возможностей, что болезненно сказалось на самоощущении специалистов. Эту ситуацию хорошо отразил Б. Гребенщиков в известной песне: *«Я инженер на сотне рублей, /И больше я не получу. /Мне двадцать пять, и я до сих пор /Не знаю, чего хочу»*.

В 1970–80-е гг. стало очевидным падение престижа инженерного труда, отразившееся в сужении профессиональной автономии, снижении относительного уровня заработной платы и карьерных возможностей, что болезненно сказалось на самоощущении специалистов.

Недовольство советской системой, получившее распространение в сознании инженерно-технической интеллигенции в позднее советское время, вызвано не только политическими обстоятельствами (отсутствие свободы слова, ограничения на выезд за рубеж), ситуацией в экономике (нарастающий товарный дефицит), но и когнитивным диссонансом, вызванным разрывом между ожиданиями творческой профессиональной работы после окончания вуза и реальностью, заключавшейся в том, что большинству выпускников политехнических институтов того периода было суждено тянуть лямку «белого воротничка» в скучном НИИ или конструкторском бюро завода.

ИТР-дискурс и ИТР-сознание как формы знания и сознания советской инженерно-технической интеллигенции

В перестройку именно этот слой, включавший инженеров, научных сотрудников НИИ, технических специалистов и высококвалифицированных рабочих, массово откликнулся на призыв к переменам, который был сделан М. Горбачёвым в 1985-м г. На первом этапе горбачёвских реформ в триаде «перестройка – ускорение – гласность» акцент

делался на «ускорении», которое понималось как сумма технократических усилий, направленных на «ускорение научно-технического прогресса», «темпов роста», «повышение организованности и дисциплины», обновление основных фондов через интенсивное развитие машиностроения. Именно так формулировалась Горбачёвым программа перестройки в докладе на Пленуме ЦК КПСС, прошедшем 23-го апреля 1985-го года. В том же докладе генеральный секретарь был озабочен «снижением престижа инженерного труда» и призывал к «перевооружению всех отраслей народного хозяйства на основе современных достижений науки и техники» [О созыве... 1985: 5–29]. О гласности в этом докладе речи почти нет – лишь просьба обсуждать назревшие проблемы на собраниях коммунистов «без фальшивой идеализации». Иными словами, на первом этапе перестройка задумывалась как техническая модернизация с элементами осторожной экономической либерализации в первую очередь, а «гласность» понималась только как средство выявления и исправления недостатков. В такой версии перестройки инженерно-техническая интеллигенция снова должна была вернуть утрачиваемые статусные и материальные преимущества, поскольку именно она рассматривалась в качестве основной профессиональной силы, реализующей установку на ускорение НТП (научно-технического прогресса). В значительной мере исходная логика задуманных реформ сохраняла преемственность предыдущим технологическим рывкам советского режима: периода индустриализации и послевоенного восстановления и обновления промышленности, когда и происходило формирование основных поколений советской инженерно-технической интеллигенции.

К 1987-му году гласность и экономические реформы стали доминировать в политической и общественной повестке дня, а тема технологического ускорения и перевооружения стала уходить на второй план. Дальнейшие события периода перестройки показали, что инженерно-техническая интеллигенция, активно участвовавшая в похоронах социализма, и сама оказалась на обочине истории.

Однако уже через два года после этих заявлений М. Горбачёва главным элементом в этой триаде стала «гласность», которую творческая интеллигенция, в основном представленная столичными журналистами, литераторами, кинематографистами, использовала в своих профессиональных интересах – как возможность выхода из-под глыб советской цензуры. К 1987-му году гласность и экономические реформы стали доминировать в политической и общественной повестке дня, а тема технологического ускорения и перевооружения стала уходить на второй план. Лидерами этого периода стали экономисты (Л. Абалкин, А. Аганбегян, П. Бунич, С. Шаталин) и творческая интеллигенция (историки, журналисты, режиссёры и писатели), а инженерно-техническая интеллигенция стала аудиторией, которая скорее реагировала на предложенные идеи, культурные новации, критическую публицистику, но не обрела собственных ярких лидеров и, самое главное, – собственного дискурса, о чём пишет в своей статье П. Тамаш [Tamas 2013] и с чем соглашается М. Липовецкий в своём полемическом тексте, хотя и подчёркивает, что он больше сконцентриро-

ван на анализе «дискурсивного сообщества», нежели профессии [Lipovetsky 2013], а это, возможно, и приводит к путанице, касающейся состава и форм сознания инженерно-технической интеллигенции. Вероятно, произошло функциональное разделение ролей – творческая интеллигенция занималась производством дискурса для инженерно-технической интеллигенции и, несмотря на противоречия и споры «физиков и лириков», обе группы были неразрывно связаны друг с другом. Дальнейшие события периода перестройки показали, что инженерно-техническая интеллигенция, активно участвовавшая в похоронах социализма, и сама оказалась на обочине истории.

То, что М. Липовецкий называет ИТР-дискурсом, и то, что можно назвать ИТР-сознанием, наилучшим образом локализовано в нарративах самих представителей позднесоветской инженерно-технической интеллигенции, а именно: в их мемуарах и воспоминаниях коллег и учеников о них, – то, что концентрируется в жанре отраслевого краеведения. Аналитическое чтение позволяет понять устройство мышления и особенности профессиональной культуры изучаемой группы. При этом следует принимать во внимание контекст, в котором были написаны данные тексты – это взгляд из постсоветского настоящего в советское прошлое, а поэтому оценки многих событий, людей, отношений складываются из опыта жизни в период после конца советской власти. Таким примером являются мемуары ленинградского инженера и технического переводчика Я. К. Терентьева «Кадровый пустырь Страны Советов», в которых недовольство своим профессиональным статусом и бесконечные сетования на глупость непосредственного начальства сочетаются с радикальным прогрессорским, но антисоветским пафосом: «*Осколков большевистского режима XXI веку досталось предостаточно, и сейчас среди нас, тех кто «сажал», может быть даже больше, чем тех, кто «сидел». Проводимая нашими властями слишком бархатная дебольшивизация не может не вызвать осуждения демократами у нас и в других странах*» [Терентьев 2009: 222].

М. Липовецкий полагает, что ИТР-идеология в упрощенном и сниженном варианте продолжает существовать и сейчас, прорастая в субкультуре нынешних сисадминов, технических менеджеров, инженеров, программистов [Липовецкий 2010]. Концепция ИТР-дискурса М. Липовецкого представляется важной для понимания преемственности субкультуры советской инженерно-технической интеллигенции и субкультуры современного «офисного планктона», который, впрочем, стал активно вымирать и мутировать, вместе с концом тучных нефтяных лет и кризисами 2008-го и 2014–16 гг. М. Липовецкий задаёт столь широкие рамки ИТР-дискурса и субкультуры, что относит к ней не только писателей-фантастов, но и почти всю позднесоветскую массовую и элитарную культуру, которая, конечно, ориентировалась на вкусы

инженерно-технической интеллигенции, но не ограничивалась ими: например, Тарковский, Данелия и другие писатели и режиссёры говорили также на языке позднего европейского модернизма или двигались в сторону почвенничества как «деревенщики» с их антимодернистской и антитехнистской ориентациями [Разувалова 2015]. Инженерно-техническая интеллигенция готова была к восприятию и «деревенской прозы», и модернистского кино, хотя в своей массе и отдавала предпочтение комедиям Гайдая и Рязанова, а её более образованная часть читала Хемингуэя: «*На работе горячо обсуждались события на острове Даманском, чешские хрустальные люстры, немецкие сервизы и, конечно, фильм «Бриллиантовая рука». Все ещё больше влюбились в А. Миронова, в А. Папанова и в клоуна почти в любой роли, Ю. Никулина. Главным потрясением была, конечно, высадка на Луне американских космонавтов. Может быть, поэтому мы так жадно читали нового для нас Хемингуэя. С огромным трудом я достал двухтомник с его романами и читал взахлёб и «Прощай, оружие», и «Фиесту», и «Снега Килиманджаро». Он поражал своей мужественностью и сжатостью. Примерно в то же время мне довелось прочесть обоих Маннов, Томаса и Генриха. Эпопею Генриха Манна о Генрихе IV*» [Рыжиков 2010].

Впрочем, вкусы научно-технической интеллигенции в своей массе всё же определялись школьным образованием и советской массовой культурой того времени, где могло уживаться чтение поэтов Серебряного века и интерес к сериалу о Штирлице, путешествия по Золотому Кольцу, поиск буколического рая на дачном приусадебном участке с восторженными отзывами о командировках в республики советской Прибалтики (Латвию, Литву, Эстонию) и города Западной Украины, воспринимающиеся как «доступный Запад» с романтикой средневековых улочек, уютных кафе и вежливого населения, чем охотно делятся многие авторы мемуаров из числа инженерно-технической интеллигенции: «*Весь оставшийся день посвятил знакомству с исторической центральной частью эстонской столицы, застроенной старинными домами явно средневековой архитектуры. Для человека, прожившего всю жизнь на Дальнем Востоке, было очень интересно прикоснуться к частице незнакомой западноевропейской культуры, бродить по улицам и площадям этого старинного красивого города. Совсем другой мир: другая архитектура зданий, вывески с надписями готическим шрифтом, другие магазины, кафе, где можно после прогулки по морозным улицам заказать настоящий, ароматный кофе, который подают в маленькой чашечке, а сливки к нему — в другой маленькой чашечке. А если промёрз, то можно заказать чашечку горячего кофе с ромом, согревающего не только тело, но и душу*» [Пивоваров 2010].

Элементы ИТР-сознания и профессиональная культура

Анализ воспоминаний советских технических специалистов во многом подтверждает тезис М. Липовецкого о технократизме мышления как системообразующем элементе ИТР-дискурса этой группы. Л. Болтански и Л. Тевено называют эту систему мышления научно-техническим градом, где работает сила научного факта, действие носит инструментальный характер, а порядок основан на «эффективности людей и вещей, их результативности, производительности, их способности обеспечить нормальное функционирование, приносить пользу, отвечать потребностям» [Болтански, Тевено 2013: 319].

Установка на рациональное мышление, связанное с восприятием многих аспектов и явлений внешнего мира как сложноустроенных машин, поддающихся логическому просчитыванию, является неотъемлемым и универсальным элементом инженерной профессиональной культуры и форм профессионального знания.

При этом технократизм проявляет себя различным образом. Конечно, установка на рациональное мышление, связанное с восприятием многих аспектов и явлений внешнего мира как сложноустроенных машин, поддающихся логическому просчитыванию, является неотъемлемым и универсальным элементом инженерной профессиональной культуры и форм профессионального знания. Корни этого мировосприятия связаны с особенностями профессиональной социализации – инженерное образование во многом следует позитивистским образцам и тем, что можно в узком смысле назвать идеологией профессиональной идентичности технического специалиста, который рассматривает себя как носителя разумных и продуманных действий и решений в нестабильных ситуациях.

Не нужно забывать и о рациональном взгляде инженера на устройство позднесоветского общества, экономики и производства. Не будучи диссидентами, авторы мемуаров неоднократно указывают на абсурдные моменты советской повседневности и организации труда, включающие бытовые трудности и дефицит товаров из-за нерационального распределения товаров и услуг, идиотизм руководства и формальные правил инструкций; паранойя секретности, продуцируемая «первыми отделами» в бесконечном ряду «почтовых ящиков», в которых трудились инженеры; невозможность нормальной творческой реализации, бездумное расточительство материалов и людских ресурсов, и многое другое. «*Мужики мне много порассказали о Тресте и здешних порядках. Оказалось, что балом тут правит директор, которого я ещё не видел. Главный же играет второстепенную роль, ибо кроме него у «Деда» есть несколько прикормленных «серых кардиналов», как я понял, не очень чистых на руку*» [Саврей 2010].

Более широкая трактовка рациональности – это форма практической рациональности, то есть способности гибко адаптироваться к различным условиям окружающей среды, вырабатывая систему оправданий – микроидеологий, что придаёт искренности действиям, которые могут противоречить, например, официальным идеологическим положениям,

но отвечать интересам актора. Юрчак хорошо описал этот навык жизни в позднем советском обществе. Речь шла о том, что в 1970-е гг. можно было быть секретарём комсомольской организации институтской группы и даже принимать основные идеалы социализма, но при этом активно пользоваться блатом для «доставания» дефицитных американских джинсов или устройства на лучшую работу [Юрчак 2014].

Более широкая трактовка рациональности – это форма практической рациональности, то есть способности гибко адаптироваться к различным условиям окружающей среды, вырабатывая систему оправданий – микроидеологий, что придаёт искренности действиям, которые могут противоречить, например, официальным идеологическим положениям, но отвечать интересам актора.

Представители инженерно-технической интеллигенции готовы принять сложившиеся правила игры, а поэтому действуют исходя из логики практической рациональности, когда принимают какие-то решения, касающиеся выбора места работы или намерения вступить в партию. И всё же интересы частной жизни, семьи в конечном счёте нередко оказываются даже более значимым мотивом поступков и решений, чем интересы профессии или работы для тех, кто не был включён в престижные страты научно-технической интеллигенции. Повышение заработной платы, лучшие карьерные возможности, предоставление квартиры – нередко именно это предопределяло формы профессиональной мобильности, а не энтузиазм освоения нового: «*Из Пензы я уехала в 1961 г. Я на них обиделась, потому что у нас провели реорганизацию, цех сделали отделом, там несколько выше зарплаты. А мне только перед этим на десятку прибавили зарплату. И получилось, что оснований для очередной прибавки нет, я была старшим инженером и получала 120 рублей, а в отделе 120 рублей была зарплата рядового инженера. Они не придумали ничего лучшего, как мне в трудовой книжке записать «Переведена на должность инженера». Ну я возмущалась – за что меня понизили в должности? А они одно мне твердят: «Нет оснований для прибавки зарплаты». А тут из Воронежа были ребята. Я спросила: У вас есть вакансия? – Есть. – Возьмите меня к себе на работу. – Какие разговоры*!» [Власова 2009].

Можно ли это назвать конформизмом левадовского «советского простого человека» [Советский... 1993], готового делать вид, что он играет по правилам системы для семейных и карьерных целей, но держит кукиш в кармане? Отчасти да, отчасти нет. В 1960–70-е гг. на сцену выходит поколение советской молодёжи – «беби-бумеры», которые может быть впервые смогли воспользоваться возможностями социализма советского типа, получив образование и начав жить по упрощённым, но всё же отдалённо напоминающим стандартам европейского городского среднего класса, который тоже получил большие возможности в первые послевоенные десятилетия. Безусловно, советский технический специалист не был «простым советским человеком», который в левадовской концепции рисовался как «массовидный человек («как все»), деиндивидуализированный, противопоставленный всему элитарному и своеобразному, «прозрачный» (то есть доступный для контроля сверху), примитивный по запросам (уровень выживания), созданный раз и навсегда и далее неизменяемый, легко

управляемый. Все эти характеристики относятся к лозунгу, проекту, социальной норме, и в то же время – это реальные характеристики поведенческих структур общества [Гудков 2007]. Как показала дальнейшая история, советский человек 1970-х гг., воплощённый в массовом слое научно-технической интеллигенции, был устроен намного сложнее левадовского идеального типа, поскольку в частной жизни, а зачастую и в работе пестовал собственную отсоединённость, стремление уклониться от нормативных ожиданий, предписываемых идеологией и моралью советского общества.

Советский человек 1970-х гг., воплощённый в массовом слое научно-технической интеллигенции, был устроен намного сложнее левадовского идеального типа, поскольку в частной жизни, а зачастую и в работе пестовал собственную отсоединённость, стремление уклониться от нормативных ожиданий, предписываемых идеологией и моралью советского общества.

В этой связи можно вспомнить рост алкоголизма в 1970-е гг., который затронул значительную часть инженерно-технической интеллигенции и нередко определяется как реакция на усугубляющуюся пропасть между коммунистической идеологией и практикой жизни в условиях реального социализма, как форма эскапизма и выражения экзистенциального разочарования. Однако пьянство вампиловского Зилова – это ещё и доступная форма протеста не против советской системы, но против системы как таковой: против упорядоченного общества с его предсказуемыми биографическими траекториями, ограничениями и моральными установками.

Возвращаясь к характеристике ИТР-дискурса и сознания советской инженерно-технической интеллигенции, можно констатировать сложный характер социального состава этой социально-профессиональной группы и не менее сложные пересечения её интересов и хабитуса с группой творческой интеллигенции. Пожалуй, трудно найти одно-два простых объяснения тому, каковы были отношения советских инженеров 1970–80-х гг. с советским режимом, и почему именно в среде «младших научных сотрудников» был накоплен значительный негативный потенциал отношения к той экономической и политической системе, которая, как затем оказалось, и была средой, в которой стало возможно существование столь массовой группы образованных технических специалистов. Воспоминания советских инженеров отчасти могут приоткрыть дверь в жизненный и профессиональный мир этой группы, однако они же свидетельствуют о том, что внутри неё существовали самые разные профессиональные среды и формы коллективного сознания, ещё ждущие своих исследователей.

Библиографический список

Болтански Л., Тевено Л. 2013. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. М.: НЛО. 576 с.

Васильева З. 2013. 1960-е и развитие массовой культуры: заметки о советском варианте модерности // Ab Imperio. № 1. С. 159–174.

Власова Л. В. 2009. Воспоминания инженера-наладчика советской ЭВМ «Урал-1». М. 15 с.

Гудков Л. Д. 2007. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. № 6. С. 16–30.

Дюркгейм Э. 1996. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон. 576 с.

Классы, социальные слои и группы в СССР. 1968 / Отв. ред. Ц. А. Степанян и В. С. Семенов. М.: Наука. 279 с.

Крыштановская О. В. 1989. Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука. 144 с.

Кугель С. А., Никандров О. М. 1971. Молодые инженеры. М.: Мысль. 208 с.

Ленин В. И. 1920. «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии». Речь 21 ноября. Московская губернская конференция РКП(б) 1920 года / Ленин В. И. Полное Собрание Сочинений. Том 42. М.: Политиздат. 647 с.

Липовецкий М. 2010. Траектории ИТР-дискурса // Неприкосновенный Запас. № 6 (74). С. 213–230.

Липовецкий М. 2010. «И бездна ИТР...» // Openspace (онлайн-журнал). URL: http://os.colta.ru/projects/13073/details/17365/?expand=yes#expand [Дата посещения: 30.11.2016].

О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева / Материалы Пленума Центрального комитета КПСС. 23 апреля 1985 г. М.: Политиздат, 1985.С. 5–29.

Пивоваров Ю. Г. 2014. Приморское ЦКБ. Воспоминания инженера // URL: http://memoclub.ru/2014/11/primorskoe-tskb-vospominaniya-inzhenera/ [Дата посещения: 30.11.2016].

Разувалова А. 2015. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: НЛО. 612 с.

Рыжиков А. Л. 2010. Впереди – прошлое. Рязань. 803 с.

Саврей В. 2010. Инженерные мемо / Записки мультиматерного студента. Воспоминания выпускников БГТУ им Д. Ф. Устинова («Военмеха») // URL: http://wiki.voenmeh.com/memo.php?part=0 [Дата посещения: 30.11.2016].

Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. Отв. ред. Ю. А. Левада. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.

Социально-психологический портрет инженера. По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций. / Под. ред. В. А. Ядова. М.: Мысль, 1977. 231 с.

Терентьев Я. К. 2009. Кадровый пустырь Страны Советов: Записки инженера. СПб.: Нестор-История. 240 с.

Юрчак А. 2014. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО. 672 с.

Brown K. 2013. Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters. Oxford: Oxford University Press. 416 p.

Gerovitch S. 2015.Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 296 p.

Gerovitch S. 2014. Voices of the Soviet Space Program: Cosmonauts, Soldiers, and Engineers Who Took the USSR into Space NY: Palgrave Macmillan. 305 p.

Josephson Paul R. 1997. New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton, NJ: Princeton University Press. 351 p.

Kubik J. 2013. On Variations of Soviet-Type Modernity: Why Poland Did Not Have Its Own ITR Progressives // Ab Imperio. № 1. P. 195–201.

Lipovetsky M. 2013. Clarifying Positions // Ab Imperio. № 1. P. 208–219.

Schmid S. D. 2008. Organizational Culture and Professional Identities in the Soviet Nuclear Power Industry // Osiris. Vol. 23. № 1. Intelligentsia Science: The Russian Century, 1860–1960. P. 82–111.

Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985. 2014. Ed by Neringa Klumbyte, Gulnaz Sharafutdinova. Plyomouth: Lexington Books. 260 p.

Tamas P. 2013. Was the soviet engineer so unique? // Ab Imperio. № 1. P. 189–194.

DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.441

Soviet Engineering and Technical Intellectuals from the 1960'S to the 1980'S: Searching for the Boundaries of Collective Consciousness

Abramov Roman Nickolaevich

Candidate of Sociological sciences, Senior researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Associate professor, National Research University – Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: socioportal@yandex.ru

Abstract. This article focuses on issues such as the emergence and existence of a collective consciousness among the Soviet engineering/technical intellectuals during the period of real socialism, based on knowledge of the past embodied in the memories of those who represent this group. The analysis utilizes E. Durkheim's ideas about collective consciousness. This man of science developed the concept of collective or common consciousness, tying it to the idea of "organic solidarity", which can be interpreted as the ethos of a certain social group, as well as knowledge about social reality and about the place which a certain group occupies within it, with said knowledge producing collective identity. This article attempts to reconstruct certain elements of the consciousness of the Soviet engineering/technical intellectuals group based on analyzing the remaining memories of its representatives, as well as the ETW (engineering technical workers) discourse concept proposed by

M. Lipovitsky, which characterizes forms of group consciousness among the said group. The whole point of the ETW discourse, according to M. Lipovitsky, is spontaneous positivism and progressism, confidence in the power of facts, as well as denying complicated polyphonic prisms when it comes to cultivating a mock form of irony given a lack of critical self-reflection. This work examines the issues of the social and professional status of the group of Soviet engineering/technical intellectuals, as well as its position in the social structure of Soviet society. In order to accomplish this, studies by Soviet sociologists, dedicated to engineering personnel, are utilized. It is stated that the professionalism of engineering/technical intellectuals was based on the level of education that they received, as well as the state's need for a technocratic class, which would make the USSR competitive in defense and civil spheres. The professional independence of various sub-groups of the engineering/technical intellectuals was not equal, and it depended on the industrial affiliation of the organization where certain specialists were at work. Also discussed are certain professional culture characteristics of this group, including technocratic thinking, rationalism, and a critical outlook on the late Soviet period. It is shown that the memories of Soviet engineers can somewhat reveal the life and professional world of this group, they do not, however, indicate the existence of several different professional environments and forms of collective consciousness within it, which are still waiting for their researchers. Search and discussion is the purpose of this text.

Keywords: engineering and technical intelligentsia, professions, scientific and technical progress, ITR-discourse, collective conscious.

References

Boltanski L., Teveno L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti. Ocherki sotziologii gradov [Criticism and Substantation of Justice. Essays in Sociology of Cities]. Moscow, NLO publ., 2013. 576 p.

Brown K. Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters. Oxford, Oxford University Press, 2013. 416 p.

Durkheim E. O razdelenii obschestvennogo truda [On social division of labor]. Moscow, Kanon, 1996. 576 p.

Gerovitch S. Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2015. 305 p.

Gerovitch S. Voices of the Soviet Space Program: Cosmonauts, Soldiers, and Engineers Who Took the USSR into Space. NY, Palgrave Macmillan, 2014. 296 p.

Gorbachiov M. S. O sozyive ocherednogo XXVII s'ezda KPSS i zadachah, svyazannykh s ego podgotovkoy i provedeniem [On the Convening of the Next XXVII Congress of the CPSU and the Tasks Related to its Preparation and Conduct]. Materialy Plenuma Tzentralnogo komiteta KPSS. 23.04.1985. Moscow, Politizdat, 1985. Pp. 5–29.

Gudkov L. D. «Sovetskiy chelovek» v sotsiologii Yuriya Levady ['Soviet man'in the sociology by Yuri Levada]. Obschestvennye nauki i sovremennost, 2007, no 6, pp. 16–30.

Josephson P. R. New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton (NJ), Princeton University Press, 1997. 351 p.

Klassy, sotzialnyie sloi i gruppyi v SSSR [Social classes, social layers and groups in USSR]. Ed. by C. A. Stepanian, V. S. Semionov. Moscow, Nauka, 1968. 279 p.

Kryshtanovskaya O. V. Inzhenery. Stanovlenie i razvitie professionalnoy gruppy.[Engineers.The genesis and the development of professional group] Moscow, Nauka, 1989. 144 p.

Kubik J. On Variations of Soviet-Type Modernity: Why Poland Did Not Have Its Own ITR Progressives. Ab Imperio, 2013, no 1, pp. 195–201.

Kugel S. A., Nikandrov O. M. Molodye inzheneryi. Moscow, Mysl, 1971. 216 p.

Lenin V. I. Doklad «Nashe vneshnee i vnutrennee polozhenie i zadachi partii» na Moskovskoy gubernskoy konferentsii RKP(b) 1920 goda ["Our external and internal situation and the tasks of the Party" report at the Moscow Gubernia Conference of the RCP (b) 1920]. Lenin V. I. Polnoe Sobranie Sochineniy. Vol. 42. Moscow, Politizdat, 1920. 647 p.

Lipovetsky M. «I bezdna ITR...» [And abyss of Engineers and Technical Workers]. Openspace (the Web journal), 2010. URL: http://os.colta.ru/projects/13073/details/17365/?expand=yes#expand [date of visit: 15.06.2016].

Lipovetsky M. Clarifying Positions. Ab Imperio, 2013, no 1, pp. 208–219.

Lipovetzky M. Traektorii ITR-diskursa [Trajectories of Engineers and Technical Workers Discourse]. Neprikosnovennyiy zapas, 2010, no 6 (74), p. 213.

Pivovarov Y. G. Primorskoe CKB. Vospominaniya inzhenera [Engineering Bureau Primorskoe. Engineer`s memories]. 2014. URL: http://memoclub.ru/2014/11/primorskoe-tskb-vospominaniya-inzhenera [date of visit: 15.06.2016].

Razuvalova A. Pisateli – «derevenschiki»: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh gg. ["Countryside's" Writers: the Literature and Conservative Ideology of 1970th). Moscow, NLO, 2015. 616 p.

Ryzhikov A. L. Vperedi – proshloe [Ahead is the Past]. Ryazan, 2010. 803 c.p.

Savrey V. Inzhenernyie memo [Engineers Memo]. Zapiski multimaternogo studenta. Vospominaniya vyipusknikov BGTU im D. F. Ustinova («Voenmekha»). Voenmekh university unofficial website. 2010. URL: http://wiki.voenmeh.com/memo.php?part=0 [date of visit: 15.06.2016].

Schmid S. D. Organizational Culture and Professional Identities in the Soviet Nuclear Power Industry. Osiris, 2008, vol. 23, no 1: Intelligentsia Science: The Russian Century, 1860–1960, pp. 82–111.

Sotzialno-psihologichesky portret inzhenera. Po materialam obsledovaniya inzhenerov leningradskikh proektno-konstruktorskih organizatsiy [Social-psychological Portrait of Engineers. On Materials of the Observation of Applied Construction Organizations of Leningrad]. Ed. by V. A. Yadov. Moscow, Mysl, 1977. 131 p.

Sovetsky prostoy chelovek: opyt sotzialnogo portreta na rubezhe 1990-x [Soviet Ordinary Man: the Experience of Social Portrait on the Eve of 90th]. Ed. by Y. A. Levada. Moscow, Mirovoy okean publ., 1993. 300 p.

Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985. Ed. by N. Klumbyte, G. Sharafutdinova. Plyomouth, Lexington Books, 2014. 260 p.

Tamas P. Was the soviet engineer so unique? Ab Imperio, 2013, no 1, pp. 189–194.

Terentiev Y. K. Kadrovyiy pustyr Strany Sovetov: Zapiski inzhenera [The Cadres' Desert of the Soviet Country: Engineers Notes]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2009. 234 p.

Vasilieva Z. 1960-e i razvitie massovoy kultury: zametki o sovetskom variante modernosti [1960th and the Development of the Mass Culture: Essays about Soviet Version of the Modernity]. Ab Imperio, 2013, no 1, pp. 159–174.

Vlasova L. V. Vospominaniya inzhenera-naladchika sovetskoy EVM "Ural-1" [Memories of the Soviet Engineer of Computer Mainframe "URAL – 1"]. Moscow, 2009. 150 p.

Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie. [Everything Was Forever Until It Finished. Last Soviet Generation]. Moscow, NLO publ., 2014. 664 p.